

Знаменитые пары СССР

*Любовь
на Заречной
улице*

АЛЛА

ЛАРИОНОВА

НИКОЛАЙ

РЫБНИКОВ

Знаменитые пары СССР

Лиана Полухина

**Алла Ларионова и
Николай Рыбников.
Любовь на Заречной улице**

«Алисторус»

2017

УДК 791.44.071(470)

ББК 85.374(2)6-8

Полухина Л. С.

Алла Ларионова и Николай Рыбников. Любовь на Заречной улице
/ Л. С. Полухина — «Алисторус», 2017 — (Знаменитые пары
СССР)

ISBN 978-5-906947-70-3

Алла Ларионова и Николай Рыбников — популярнейшие актеры отечественного кино середины прошлого века. Она блистала на экране, покорила своей красотой весь мир. Он, не знавший себе равных в ролях простых рабочих парней, был символом советской эпохи. Ей объяснялись в любви всемирные знаменитости. По нему сходили с ума женщины. Мало кто верил в прочность их союза. А они прожили вместе тридцать лет и три года, как пишется в сказках. «Я счастливая женщина, — говорила Ларионова. — Я снималась в кино, и меня очень любил Коля Рыбников». А Рыбников самым значительным событием в своей жизни считал встречу с ней.

УДК 791.44.071(470)

ББК 85.374(2)6-8

ISBN 978-5-906947-70-3

© Полухина Л. С., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Алла и Николай	6
Самая красивая	8
Знаки судьбы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лиана Полухина
Алла Ларионова и Николай Рыбников
Любовь на Заречной улице

© Полухина Л., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Алла и Николай

Я пишу эту книгу о замечательных актерах советского кино Николае Рыбникове и Алле Ларионовой, когда их уже нет на свете. Но остались фильмы, в которых они играли, остались их дочери, Алена и Арина, остались друзья, в сердцах которых живет память о них, остались благодарные поклонники их таланта.

Они были очень разные: москвичка, красивейшая женщина, блестящая исполнительница «костюмных ролей», «светская львица» – и он, родом из провинции, в лучших своих ролях близких ему по духу простых рабочих парней выразивший нашу эпоху.

Соединила их большая любовь.

Их однокурсник по Институту кинематографии, Вадим Викторович Захарченко, которого в студенческие годы связывали с ними сложные отношения, на склоне лет признался:

– Аллочка и Колька выделялись на курсе... лучше всех были, правдивее. Они взяли от жизни все, что можно. Прославились, знаменитыми стали, потому что умели любить.

Потому что умели любить...

Читая очерки о Николае Рыбникове и Алле Ларионовой, интервью, данные ими журналистам, беседуя с их дочерью Аленой, друзьями и коллегами, я каждый раз убеждалась в справедливости этих слов. Не только любимая профессия, работа, семья, дети, друзья, но само это великое чувство – любовь – было смыслом их жизни. Любовь озарила их своим светом, была источником творческого вдохновения, как магнит, притягивала к ним людей.

Самая красивая пара советского кинематографа: Алла Ларионова и Николай Рыбников.

*«Я счастлива, потому что в моей жизни было кино, и еще меня любил
Коля Рыбников!»
(Алла Ларионова)*

Эта книга и об их любви.

Самая красивая

Долго из-за суеверия даже близким друзьям не говорила, о ком пишу. Говорила только, что о киноактерах – муже и жене. Но один из любопытствующих, самый настойчивый, не отступался.

– Ну хорошо. Скажи хотя бы, как назвала бы ты главу о ней, без упоминания, конечно, имени.

– «Самая красивая».

– Алла Ларионова! – мгновенно догадался он.

...Говорят, Марина Цветаева просила дочку, четырехлетнюю Алю, описать воробья, эту серую, невзрачную, ничем не примечательную птичку. Задача трудная не только для ребенка. Но легче ли, даже взрослому, описать что-то яркое, необыкновенное, бросающееся в глаза, – красивую женщину, к примеру?

Князь Мышкин у Достоевского, потрясенный красотой Настасьи Филипповны, говорит, что красоту трудно судить: красота – как загадка. Мы описываем, по сути (если беремся за это), не саму красоту, которая и вправду несет в себе великую тайну, а скорее наше впечатление от нее.

Герой чеховского рассказа «Красавицы» с одинаковой силой потрясен красотой девочки-армянки и русской девушки лет семнадцати, встреченной им на одной из железнодорожных станций.

«Я увидел обворожительные черты прекраснейшего из лиц, какие когда-либо встречались мне наяву и чудились во сне, – описывает он армяночку. – Передо мной стояла красавица, и я понял это с первого взгляда, как понимаю молнию... Это была именно та красота, созерцание которой вселяет в нас уверенность, что вы видите черты правильные, что волосы, глаза, нос, рот, шея, грудь и все движения молодого тела слились вместе в один цельный, гармонический аккорд...»

Русская девушка, разговаривавшая через вагонное окно с какой-то пассажиркой, тоже была, и в этом не сомневался никто из окружающих, «замечательная красавица». Но если описывать ее наружность по частям, продолжает рассказчик, то «действительно прекрасного у нее были одни только белокурые, волнистые, густые волосы, распущенные и перевязанные на голове черной ленточкой... Все же остальное было или неправильно, или же очень обыкновенно. Но тем не менее девушка производила впечатление настоящей красавицы, и, глядя на нее, я мог убедиться, что русскому лицу для того, чтобы казаться прекрасным, нет надобности в строгой правильности черт. Это была красота мотыльковая». Секрет и волшебство ее, читаем в рассказе, заключались в улыбке, игре лица, в грации движений в сочетании с молодостью, свежестью, с чистотой души, звучавшей в смехе и в голосе.

Ларионова соединила в себе эти два типа красоты. Правильные черты лица: в меру высокий лоб, хорошей формы брови, красиво очерченные губы, нежная линия щек с чуть выдающимися скулами, четкий подбородок – и смазанный профиль со вздернутым носом. Лучезарная улыбка, никакой «классической строгости» во взгляде, серебряный смех...

Некоторые считали, что она похожа на Аллу Константиновну Тарасову, ведущую актрису МХАТа. Кинозрителям она знакома по фильмам «Гроза» (Катерина), «Петр I», где она играла будущую императрицу Екатерину, «Без вины виноватые» (Кручинина).

Сходство находили упорно, высказывали даже предположение, а некоторые были уверены, что Алла – ее дочь. Ларионова, отрицая свое родство со знаменитой актрисой, говорила, что мать ее, большая любительница театра, довольно часто, и будучи в положении – тоже, ходила на спектакли во МХАТ – и именно «на Тарасову», и что в честь ее она названа Аллой. Однако с именем, как известно, черты лица не передаются...

А с Аллой Константиновной она встретилась лишь однажды, на приеме в Георгиевском зале Кремля.

– Здравствуйте, доченька! – сказала Тарасова, подойдя.

Ларионова в ответ спросила:

– Алла Константиновна, вас тоже замучили?

– Еще как! Но я всем говорю: к сожалению, у меня только сын, и нет такой прекрасной дочери.

Другие (я отношусь к ним) находят между ними мало сходства. У Ларионовой – ни солидности Тарасовой, ни трагического излома бровей, ни подспудной, а то и явной истеричности в некоторых ролях. Тарасова играет веселость, счастье, жизнерадостность, если того требует роль. Она больше склонна к ролям трагическим. Стихия Ларионовой – радость, улыбка, легкость, сказка, в которой побеждает добро. Драма требует от нее перевоплощения, игры. К тому же не надо забывать, что она профессиональная киноактриса, что накладывает на весь ее облик особую мету.

В Ларионовой сияние звезды соединилось с глубинным внутренним светом. Она озарила экран победительной, сказочной, истинно русской красотой. Ее красота была естественной, не вымороченной, не «натруженной», не в шрамах от подтяжек, искусно замаскированных пластическими хирургами. Она не перекраивала лицо, как, к примеру, Мэрилин Монро – нос, хотя и считала свой нос некрасивым.

Она вообще была недовольна своей внешностью. В одном из интервью она поделилась своей несбыточной мечтой – быть высокой, длинноногой, худой и стройной. И то, что она изначально не ощущала себя неотразимой красавицей, не несла себя как хрустальную вазу, не задирала нос, еще больше привлекало к ней людей.

Внешняя красота поражает, восхищает, но мнение, что она не зависит от внутренней сути человека, – поверхностное.

Помните, у Николая Заболоцкого?

... и что есть красота,
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Ларионова была умна, обаятельна, интересна как человек. Всегда хорошо говорила. Даже если на подготовку выступления ей давалось пять минут, экспромт всегда был хорошо и небанально построен.

Подобно Наташе Ростовской, она, как губка, впитывала все доброе, интересное. Способная к саморазвитию, не давала душе лениться. Умела любить, дружить, сострадать.

С ней приятно было общаться и работать. Вячеслав Шалевич, который пригласил Ларионову в свой антрепризный спектакль «Коварство, деньги и любовь» по Зошенко (это было уже в конце ее жизни), говорил, что она органично влилась в их команду, состоявшую из Марианны Вергинской, Михаила Воронцова и его самого. Командность же в антрепризе, по его твердому мнению, заключается не только в том, что вы играете на сцене, но и в том, как вы едете вместе в купе, как живете в гостинице, какие у вас капризы, претензии, обиды. У Аллы Ларионовой при всем уровне ее знаменитости претенциозность напрочь отсутствовала. Она могла жить где угодно, ехать в каком угодно купе – всегда товарищ, всегда помощник.

Алла Дмитриевна Ларионова (1931–2000) – советская актриса театра и кино, народная артистка РСФСР (1990). Супруга Народного артиста РСФСР Николая Рыбникова

Ее любили мужчины, ей поклонялись зрители, ее одолевали письмами, не всегда, скажем так, умными. Порой, конечно, это не могло не утомлять, не вызвать досады. Но она не

жаловалась, ценила внимание. «К этому надо правильно относиться, – говорила она, – как к дару, который надо беречь. Ведь в этом мире никто никому ничего не должен. И потом – надо уважать людей».

Она достойно распорядилась своей красотой, талантом, жизнью. И как жаль, что надо говорить об этом в прошедшем времени.

Знаки судьбы

Алла Ларионова родилась 19 февраля 1931 года в Москве. По народному поверью, родившимся в самом коротком месяце, «февраликам», на роду написано (как и родившимся в мае) маяться.

Поверье в данном случае не оправдалось. Ударов судьбы, правда, она не избежала (а кто их избежал?), но всю жизнь ей сопутствовала удача.

До последних дней своей жизни Ларионова занималась любимым делом, с первых ролей в кино получила всемирное признание, любила и была любима, познала полноту семейного счастья, объездила всю страну, много раз бывала за рубежом... И хоть не миновала ее горькая чаша людской зависти, клеветы, забвения и одиночества, она не сетовала на судьбу и считала себя счастливым человеком.

Ее родители познакомились в отряде Котовского. Отец Дмитрий Андреевич, член партии с 1918 года, был настоящим честным ленинцем. Работал там, куда посылала партия. Был депутатом Бауманского райсовета Москвы. Был директором небольшой фабрики, затем директором райпищеторга. Своим служебным положением никогда не козырял, не использовал его в личных целях. Долгое время семья – у Аллы был еще старший брат Владимир – жила в старом доме на первом этаже (это при солидных-то должностях главы семейства!). Вход был со двора. Во двор выходили задняя стена кинотеатра и дверь, через которую его покидали зрители после окончания сеанса. Они громко обменивались впечатлениями от увиденного, и это, конечно, доставляло неудобство жителям дома, особенно поздно вечером. Став уже известной актрисой, Ларионова шутила: чему тут удивляться (в смысле ее успеха), ведь я с ранних лет знала, что нравится кинозрителям, а что нет!

Жили скромно. Сколько она себя помнит, говорила Ларионова, у них в доме всегда был пустой холодильник. Захочется чего-нибудь вкусенького – у папы один ответ: пойдите в магазин и купите. Таков уж был Дмитрий Андреевич – бескорыстный, не оборотистый. Внешне он был типа Охлопкова – высокий, представительный, держался с достоинством.

Умер он в 1967 году от меланомы – неосторожно срезал родинку во время бритья.

Мама Валентина Алексеевна, хотя и имела всего четыре класса образования, была человеком интеллигентным, умным, деятельным. Всем в доме, сначала своем, а потом в семье дочери, заправляла она: вела хозяйство, растила внушек, была всем опорой. «Не представляю, как бы мы жили без нее», – не уставала повторять Алла. Умерла Валентина Алексеевна в 1992 году.

Алла росла типичным советским ребенком: детский сад, школа, Дом пионеров, пионерский лагерь... Однажды на загородную дачу детского сада приехала какая-то киногруппа с камерой, из всех детей отобрали двух мальчиков и девочку, отсняли и уехали. Той девочкой была Аллочка Ларионова.

Она вовсе не была открыточным ангелочком. С фотографии тех лет на нас смотрит веснушчатая девочка с короткими, по детской моде тех лет, волосами с челкой. Но было, было в ней что-то такое, что выделяло ее из общей массы.

Во время войны семья эвакуировалась в Татарию, потом вернулась в Москву.

Однажды (Алла тогда была восьмиклассницей) ее остановила на улице женщина и спросила: «Девочка, хочешь сниматься в кино?» – «Хочу». Женщина эта оказалась ассистентом режиссера Надеждой Кушнеренко. Встреча эта, говоря высоким стилем, стала судьбоносной. Пройдет три года, и Ларионова будет учиться во ВГИКе, кстати, на одном курсе с Яковом Сегелем, сыном Кушнеренко.

А тогда... Впрочем, предоставим слово Георгию Натансону, ныне известному кинорежиссеру, поставившему, среди других, такие фильмы как «Старшая сестра», «Еще раз про

любовь», «Посол Советского Союза», а в молодости работавшему ассистентом у Пырьева, Довженко, Птушко. Свой очерк «Воспоминания об Аллочке» Натансон опубликовал в газете «Москвичка» в 2000 году, вскоре после смерти Ларионовой.

«Вспомнилась мне Алла еще школьницей, девятиклассницей, тогда она впервые появилась на съемочной площадке фильма „Жизнь в цвету“, переименованного затем Сталиным в „Мичурин“.

Тот эпизод, который воскрес в моей памяти, снимался в большом цветущем яблоневом саду в Кунцеве, под Москвой. Я был ассистентом Довженко (постановщика фильма. – Л.П.). Задолго до начала съемок Александр Петрович дал мне и другому ассистенту, Надежде Кушнеренко, задание: найти 12 девушек-красавиц, которые, стоя на лестницах у цветущих яблонь, опыляли бы цветы. Надежда Кушнеренко появилась на просмотре с Аллочкой Ларионовой. Едва Александр Петрович увидел ее, он просто озарился и, конечно, поставил Аллу на первый план. Это был первый съемочный день в жизни Аллы Ларионовой. Ну а я в нее влюбился в ту же минуту. Вот истинно русская красавица, спокойная, гордая и величавая. Ее золотые волосы, подсвеченные солнцем, превращались в нимб над головой.

Оказалось, мы жили почти рядом, у метро „Бауманская“. Я позвонил ей, и мы встретились. Мы гуляли по улицам, сидели на лавочках бульвара, и я ей признавался в любви. Ну, конечно, много говорили о кино. Я вспоминал о своей работе с Иваном Пырьевым, которому ассистировал на съемках фильма „Секретарь райкома“ и „В 6 часов вечера после войны“. Рассказывал о Марине Ладыниной, Михаиле Жарове, Евгении Самойлове, о ВГИКе, который я окончил, куда советовал ей поступать.

– А ты думаешь, меня примут?

– Конечно, примут, ты же такая красивая!

– А разве во ВГИК принимают по красоте?»

...Могу с уверенностью сказать: не только интересные, способные увлечь «фабрикой грез» рассказы Георгия Натансона, но и само участие Аллы в съемках, пусть в массовках (еще был «Поезд идет на восток»), предопределило ее путь в кинематограф: редко кто из вкусивших эту сладкую отраву найдет от нее противоядие. Да и будет ли у кого желание его искать? Могу с высокой степенью достоверности описать, что Алла-школьница чувствовала, перешагнув порог киностудии.

Дело в том, что как раз в те же годы, будучи восьмиклассницей, я была приглашена на съемки в массовках – с той лишь разницей, что ассистент режиссера пришел к нам в школу, и фильм снимался на Киностудии имени Горького.

Киностудия эта находилась в Ростокине, в здании Института кинематографии, точнее, институт арендовал здание у киностудии.

Алла Ларионова на первых выступлениях в детской самодеятельности

Ночь я, естественно, спала плохо, в школу не пошла и, едва дождавшись утра, поехала на студию к назначенному часу. Я ехала в трамвае, от волнения ничего не соображая. Всю дорогу меня била внутренняя дрожь. По наивности я думала, что там тоже будут отбирать из нас достойных. Я ехала, как на экзамен по иностранному языку, учебник по которому и в руках не держала. Сердце колотилось где-то в животе.

Но никакого отбора больше не было! Сердце встало на место. Лишь внутри гулял сквознячок волнения, когда встретившая нас в вестибюле ассистент режиссера объясняла, что нам предстоит делать: мы будем учениками школы, директор которой – главная героиня фильма «Сельская учительница» Варвара Васильевна (ее играла Вера Марецкая), а учительницей в нашем классе будет ее бывшая ученица. Затем нас повели в костюмерную.

Школа, по сценарию, была предвоенная, смешанная (мы же учились в отдельных, женских и мужских, – золотое время!), школьной формы не существовало, и я воззрилась в безмолвном восхищении, как Козетта на куклу в витрине, на темно-голубое платье с белоснежной пикейной кокеткой. Но его бестрепетной рукой сняли с вешалки и понесли примерять какой-то девочке. Сердце упало. Тут костюмерша, бросив на меня взгляд, сказала: «Это больше, пожалуй, подойдет светленькой!». И платье досталось мне. Я была счастлива! Мне наложили грим цвета золотистого загара, отчего я стала синеглазой и красивой, и наконец повели всех нас на съемочную площадку – в класс.

Оператор Сергей Урусевский, молодой, высокий, худощавый, стал колдовать с установкой света, а режиссер Марк Донской, чуть постарше, невысокого роста, очень подвижный, окинув нас цепким оценивающим взглядом и кое-кого пересадив, объяснил, как следует вести себя во время съемок. Не напрягать взгляд, не щуриться, не реагировать на камеру, а главное – не смотреть в объектив (короче, не думать о белом слоне). И никаких посторонних шумов: съемка идет с синхронной записью звука.

Мы сидим за партами. Учительница – актриса Анна Лисянская – ведет урок. Донской – весь внимание. Урусевский курсирует по рельсам между рядами парт. Мы не дышим. Тихо стрекочет камера...

– Сто-о-оп! – вдруг раздается крик Донского. – Куда смотрите?! Убрать тень от микрофона!

Поднимается суета. Оператор возвращается на исходную позицию. Свет перемещают. Тень исчезает. Я внутренне съеживаюсь от страха. Мне жалко людей, которые забежали, как пришпоренные.

Но вот все налажено. Выбегает женщина с хлопучкой с номером кадра и дубля, ударяет в нее и убегает. Съемка продолжается. Оператор задерживает камеру на моем лице, затем отводит ее в сторону... Режиссер говорит «стоп» и направляется ко мне. Сердце падает. Жду окрика. Но Донской ладонями приглаживает мои волосы, подзывает гримершу:

– Попудрите ее – нос блестит. А в перерыве причешите. Возьму ее в эпизод.

Я взорлила!

В перерыв все отправились в буфет. Чай был очень горячий, и взрослые доливали в него воду из графина. С тех пор я всегда так поступаю. Вообще все, что происходило на студии, до, казалось бы, непримечательных событий и мельчайших деталей студийного быта, в моих глазах обретало глубокий смысл и значение.

...А эпизод, в котором меня сняли – я была «при мальчике», который запустил планер в классе, и планер этот угодил учительнице в голову, юному авиамоделисту грозило наказание, а я его защищала, – из фильма вырезали. Так я стала жертвой и по сей день не изжитого в кинематографе явления – купюр.

Я болезненно переживала этот щелчок по носу, но на моем отношении к кино, на моей в него влюбленности это никак не отразилось. Забыты были и окрики режиссера, и ощущение полной от него зависимости, и страх сделать что-то не так, и горечь обиды, когда тебе предпочитают других. Я уже прочно сидела в этой прекрасной, медом мазанной ловушке.

Думаю, и юная Ларионова, глотнув воздуха «Мосфильма», уже не хотела, не могла дышать никаким другим. Так оно и было: именно тогда она твердо решила, что после школы пойдет учиться на актрису.

...Но закончу рассказ о моей «кинокарьерке», тем более, что он не только обо мне.

Когда на экраны вышел фильм «Молодая гвардия», имевший, как и роман Фадеева, по которому он снят, огромный успех, наша школа решила устроить вечер встречи с актерами, сыгравшими молодогвардейцев. Во ВГИК командировали меня (как «своего человека в кино») с подругой.

Со священным трепетом мы вступили в обиталище небожителей. Все, все мне здесь казалось как бы подсвеченным изнутри. Надо же! Киноактеры! И на каждом шагу! Сердце замирало, как в скоростном лифте, при виде знакомых по экрану лиц.

Вот нарядная, оживленная Ляля Шагалова – Валерия Борц. Как мы ревновали к ней Сергея Тюленина – в фильме и Сергея Гурзо – в жизни!

А вот и сам Гурзо с женой Наташей. Мы уже знали, что у них маленькие близнецы, мальчик и девочка, которым родители дали свои имена. Мы купаемся в лучах обаяния Сергея, приятель тянет его за рукав выпить, Наташа не может удержать.

В коридоре у окна заплаканная Нонна Мордюкова – Ульяна Громова выясняет отношения с мужем, тогда еще никому не известным Вячеславом Тихоновым.

Инны Макаровой – Любки Шевцовой – в тот день в институте не было. К Владимиру Иванову, исполнителю роли Олега Кошевого, мы поехали в общежитие на Трифоновскую. Общежитие барачного типа, титан с кипятком на пяточке при входе, уходящий вдаль полутемный коридор... Но оно, конечно, не казалось нам будничным и убогим: какие люди там жили! (Ощу-

щение нас не обмануло – действительно, там жили известнейшие впоследствии актеры театра и кино – Михаил Ульянов, к примеру.)

Миссия наша, естественно, провалилась. Да и наивно было надеяться на успех: «молодогвардейцам» буквально не давали проходу, их рвали на части, а они к тому же еще не окончили институт.

Неудача не обескуражила меня. Напротив, если я раньше и колебалась, то теперь твердо решила: буду поступать только во ВГИК. Жизни без него, без его атмосферы, без живых легенд экрана, которых здесь можно было вот так запросто встретить, учиться и затем работать рядом с ними, я уже себе не представляла.

Понимая, что актрисы из меня не получится, режиссера и оператора тоже, по зрелом размышлении (уж очень хорошо я сочинения писала!) подала документы на сценарный факультет. Через несколько дней приехала узнать расписание консультаций и экзаменов.

Площадка возле института уже с утра была запружена жаждущими и страждущими.

К нам – я была с двумя подругами – устремился какой-то оператор с просьбой попозировать ему: он хотел опробовать цветную пленку на наших голубых платьях разного оттенка. Нам освободили пространство на солнечной стороне, и мы внутренне ликовали, подчиняясь приказам оператора под любопытствующими и не без зависти взглядами многочисленных зрителей. Чем не киносъемка?

Как на крыльях, я влетела в здание института и лицом к лицу столкнулась с Марком Семеновичем Донским. Поздоровалась. Он машинально кивнул, собрался было пройти мимо, но, взглянув на меня, остановился.

– Откуда ты, прелестное дитя? А главное – куда? Я помню тебя.

– Поступаю вот...

– На актерский?! Девочка моя, талантливо сидеть в классе – это еще не значит...

– Нет, на сценарный.

На мгновение он онемел и воззрился на меня, как на сумасшедшую. Наконец обрел дар речи.

– Дай твой телефон, я позвоню родителям! Черт знает что задумала!

Телефона у нас не было. Донской схватил меня за руку и потащил в какую-то комнату.

– Ты совершаешь чудовищную ошибку! «Сочинения она хорошо пишет! По литературе – пять!» – передразнил он кого-то. – Какой из тебя сценарист? – кричал он на меня, как на родную. – Сценарии пишут Габрилович, Симонов, Михалков! Помимо драматургического таланта, здесь большой жизненный опыт нужен. Школьные сочинения – цыплячий писк! Ты бы хоть со знающими людьми посоветовалась! Они бы тебе объяснили, что сценарный на сегодняшний день – факультет безработных. Курс набирается раз в два года, по 14 человек. А фильмов в год – меньше десяти. Дипломированных актеров много незанятых, мы снимаем их в эпизодах, массовках. наших сценаристов – тоже, чтобы они хоть как-то существовали. В «Молодой гвардии» немецкого часового убивает ножом парень со сценарного!

Я молчала. Что тут возразишь? Донской был прав.

– Да и не примут тебя, на твое счастье! Куда тебе тягаться с бывшими фронтовиками? Поступай в какой-нибудь другой институт. Не дури. Забирай документы, пока не поздно!

Алла Ларионова с мамой. 1950-е гг.

...Так закончился мой «очный» роман с кино. А «заочному», видимо, суждено было стать пожизненным.

Я никогда не соглашусь, что прославленные киноактеры такие же люди, как все. Нет, не такие. Понятие «звезда» означает высшую степень популярности, сильное и почти магическое воздействие красоты или таланта, личностного обаяния (а чаще того, другого и третьего) на наше сознание.

Иное дело, как сам актер распорядится этим даром небес. Одни суетятся, потребительски относятся к своему дару, мельчают, искусственно поддерживают горение – и гаснут. Другие до последнего часа горят чистым и верным светом, даже из-за туч – для всех нас.

Как Алла Ларионова. Именно потому еще она не такая, «как все».

Я не без прицела рассказала о Киностудии им. Горького, о ВГИКе конца сороковых, о встречах с актерами, сыгравшими молодогвардейцев, о разговоре с режиссером Марком Семеновичем Донским на тему перспектив у студентов института: именно в это время, точнее, годом раньше, в 1948-м, получив аттестат зрелости, Алла Ларионова подала документы на актерский факультет.

Набирали актеров и режиссеров (тогда они еще учились вместе) в свою мастерскую Сергей Герасимов и Тамара Макарова. Это был следующий набор после тех, кто снимался в «Молодой гвардии».

Надо сказать, что на Герасимова Ларионова не произвела впечатления, он не хотел ее принимать. Это, естественно, ее очень огорчило, но вряд ли было неожиданностью. О таланте ее судить было еще рано, о своей же внешности, в отличие от окружающих, она была невысокого мнения. «Я была крупная, нескладная, как обрубок, курносая, неотесанная», – вспоминала она о себе тогдашней. Впрочем, она всегда была самокритична.

Ее все-таки приняли – настояла Тамара Макарова. Сергей Аполлинарьевич уступил ей, но впоследствии снял Ларионову только в одном своем фильме – «Дорога правды». Во ВГИКе ходило поверье: сняться у Герасимова – это как получить талисман, приносящий счастье. Ларионова «завладела» этим талисманом уже после того, как стала знаменитой, – в 1956 году.

На ее курсе учились из ныне широко известных Кулиджанов, Ордынский, Сегель, Николай Рыбников. В учебных спектаклях она играла довольно разноплановые роли. К примеру, Матильду де ля Моль в «Красном и черном» Стендаля, графиню, утонченную даму, и Анфису из «Угрюм-реки» В. Шишкова, молодую женщину «из простых», сибирячку.

Мир большого кино распахнул перед ней двери еще в студенческие годы. А случилось это так.

Непревзойденный мастер фильмов-сказок Александр Птушко, знакомый зрителям по «Новому Гулливеру» и «Каменному цветку», готовился снимать фильм-былину «Садко» и подыскивал актеров. Разумеется, с помощью своих ассистентов. А одним из них был Георгий Натансон, тот самый, который три года назад работал у Довженко.

Вот что он пишет в своих «Воспоминаниях об Аллочке», о которых уже упоминалось в этой книге:

«На главную роль Садко был утвержден известный актер, русский красавец Сергей Столяров. А на роль Любавы Птушко поручил нам, его ассистентам, найти необыкновенной красоты молодую актрису. После тщательных поисков мы представили Птушко около 200 молодых актрис! Одну за другой он их тут же забраковал. Тогда я сказал Александру Лукичу, что у меня есть знакомая студентка 2-го курса актерского факультета ВГИКа. Очень красивая девушка, Алла Ларионова, которая, по моему мнению, может сыграть Любаву.

– Мне нужна, Георгий, профессиональная актриса, а не студентка.

Мы снова и снова представляли актрис-красавиц. Птушко их вновь „резал“. Я еще раз напомнил Александру Лукичу об Алле.

– Ну давай, давай, вызывай свою протезе, – бросил в раздражении Птушко, только чтоб я отстал. – Посмотрю уж, каков твой вкус. Но поиски продолжай. Готовьтесь к поездке в Ленинград и особенно в Киев и Одессу, там наверняка найдется то, что нам нужно.

Когда на „Мосфильме“ перед Птушко появилась Алла Ларионова, он, как и Довженко, озарился и воскликнул:

– Есть Любава! Иди, девочка, в соседнюю комнату, читай сценарий, готовься к съемкам. С Герасимовым договарюсь...».

Съемки проходили под Москвой, на берегу Пестовского водохранилища. Там был построен город Новгород, с крепостью, домами, деревянными мостовыми и тротуарами, с пристанью с кораблями. Декорации стоили огромных денег, но фильм их вернул государству с большой прибылью. Одной из основных линий картины была любовь Садко и Любавы. Во время походов Садко за моря-океаны Любава ждала его. Стояла на крепостной стене и вглядывалась в морскую даль.

Весна перетекала в знойное лето, дождливую осень сменяла холодная зима. А Ларионова в одном платье. Она не жаловалась, снималась увлеченно, режиссер и вся киная группа относились к ней хорошо. А Георгий Натансон так просто был увлечен ею...

Сделаю небольшое отступление.

В наших фильмах, порой даже среднего уровня, заняты, как правило, прекрасные актеры, каких у нас немало. Однако честь открытия какого-нибудь таланта приписывается исключительно режиссеру. В этом лишь доля истины.

Бывает, что сценарист пишет сценарий, имея в виду определенного исполнителя. Бывает, режиссер, приступая к съемкам, уже знает без кинопроб, кого он будет снимать. Но чаще он выбирает актеров и актрис из кандидатур, которые предлагают ему его ассистенты.

Это они «забрасывают сети» в театры, посещают учебные и самодеятельные спектакли, ходят (вернее, ходили; сегодня, кажется, этого нет) на актерскую биржу труда, засматриваются в лица прохожих, противостоят натиску настырных мамаш юных дарований (правда, эти кошмарные мамы возникли сравнительно недавно, больше того – в те времена родители были чаще всего против того, чтобы их дети снимались, по многим причинам)... И все это с одной целью – найти нужный типаж, «лицо», которое желает видеть режиссер в будущем фильме. А потому несправедливо, что раньше в титрах не писали фамилии ассистентов, помощников режиссера, тогда как сегодня в заключение фильма идет нескончаемый (по закордонному образцу!) список всех, кто имел хоть какое-то отношение к нему, вплоть до водителей киная группы.

...Пусть запоздало, но отдадим должное Георгию Натансону, полвека назад стоявшему у истоков актерской судьбы Аллы Ларионовой.

«Садко» положил начало не только кинокарьере, но и всемирной славе Аллы Ларионовой.

В 1953 году она впервые выехала за рубеж, на Венецианский международный кинофестиваль, на котором фильм-сказка был удостоен «Серебряного льва» («Золотого» в тот раз никому не присудили). Своим успехом фильм был обязан не только непревзойденному мастерству режиссера Птушко, таланту красивого русского актера Сергея Столярова (вспомните «Цирк», в котором он играл) – Садко, но и поистине сказочной красоте Аллы Ларионовой – Любавы.

Это был настоящий триумф!

«Русские привезли неопишное чудо красоты!», «Алла неотразима. Ее появление на кинофестивале – уже успех!» – писали зарубежные газеты. Был выпущен журнал «Алла», целиком посвященный ей. После просмотра «Садко» голливудские агенты, режиссеры, продюсеры предлагали ей контракты на съемки в зарубежных фильмах.

– Тогда я была в шоке, – говорила Ларионова в интервью корреспондентке «Совершенно секретно». – А сегодня думаю: вряд ли они сделали бы меня суперзвездой. Скорее всего, я нужна была им как экзотика. По своей натуре, мне кажется, я не была создана для Голливуда. Хотя... Да что сегодня говорить об этом! (Это был 2000 год, март. В апреле она умерла. – Л.П.) В Венеции другие за меня отвечали: мол, у нее контракты чуть ли не на пять лет вперед! Но я-то знала, что работы эти пять лет как раз больше, может, и не представится.

В этом отношении мало что от нее зависело. Она справилась с тем, что зависело от нее: не потеряла голову от небывалого успеха, а обрела веру в свою счастливую звезду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.